

Правосудие переходного периода перспективы развития уголовного законодательства*

То казнить и миловать, отвечать за содеянное. Уголовное преследование — довод государства в подлинной стабильности и правопорядка, в чести законности. Право, которое в своей природе, общественной опасности, государственно властными функциями, санкционированным судом, жесткими карательными мерами несет в себе наиболее суровый вид государственного принуждения. В прошлом веке идеи постепенного выхолащивания этой формы, обращения уголовно-правового запрета в беззастенчивую популяризм, криминальность личности нейтрализована мерами государственной защиты. Уголовное право же растворилось в мерах государственного контроля и поощрения.



Вячеслав ТУЛЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АПНУ, вице-президент, проректор по международным связям, заведующий кафедрой уголовного права АПНУ «Одесская юридическая академия», заслуженный деятель науки и техники Украины, специально для ЮВУ

Санкционные механизмы

Правосудие же представляет собой систему. Идеи социализации, наказания и уголовно-правового регулирования в переходный период гитлеровских лагерей, право государства наказывать, как гарант общественной безопасности, в условиях злоупотреблениями и кровавыми пытками.

аномия. Отсюда кризис уголовно-правового регулирования на уровне государства. Подливают масла в огонь и реалии эпохи.

Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, при которой параллельно существуют несколько пластов уголовно-правового регулирования. О некоторых из них в литературе были высказаны достаточно любопытные позиции, некоторые находятся в процессе теоретического осмысления

процессе злоупотреблений правом со стороны государств и государственных структур, на международном («адекватные» ответы терроризму, внеюрисдикционное превентивное задержание) и национальном (злоупотребления властью, массовые нарушения прав человека, пытки) уровнях.

Не рассматривает эта классификация и «динамических» характеристик уголовного права, реализующихся в процессе толкования и правореализации.

Право-установительная функция

Что касается названных пластов, то отметим, что на верхних уровнях социального взаимодействия транзитная преступность как следствие мирового процесса оборота человеческих ресурсов, сырья и капиталов требует иных, внеюрисдикционных решений. Не менее неадекватных решений на уровне международного сообщества требуют вызываемые диспропорциями современного развития акты террора и пиратства. Нижние уровни остаются пластом первичной социализации и инструментом поддержания нормопорядка в микрогруппе.

Реально — и это правильно, существует лишь национальное уголовное право.

На уровне устоявшихся междоусобиц государственных образований вопрос обеспечения унификации называния деяний преступными и наказаний за них до сих пор

Сдерживающая функция

Более того, транзитные преступления (этот термин, на наш взгляд, точнее отражает суть наднациональных по природе деяний, чем широко используемый термин «транснациональные» преступления, который в силу своей аморфности и релятивизма скорее прячет, чем обнажает проблему) просто требуют унификации применяемых терминов и единства санкций, чем создания иных наднациональных механизмов бюрократического контроля и правового регулирования. Опыт деятельности Международного уголовного суда, к сожалению, служит подтверждением сказанному. За все время существования ему не удалось стать эффективным компенсаторным механизмом борьбы с преступлениями на международном уровне. Срабатывают лишь системы международного социального контроля и унифицированной правовой помощи (европейский ордер на арест), но не правосудия. И не, тем более, материального права.

Глобализация криминальной юстиции есть ответ на глобализацию современного мироустройства. Однако не она должна доминировать в формировании запретов и наказаний. Отсутствие мирового правительства, суверенитет национальных юрисдикций сводит на нет любые попытки решения данных вопросов. Точнее, обуславливает создание видимости активности в ущерб ее эффективности и социальной ценности.

ловно-правовой науке эта идея все еще не получила. Сами же уголовно-правовые нормы остаются в неизменном виде защитниками и хранителями вечных и незыблемых интересов государства. Нам уже приходилось писать о том, что с целью обеспечения социальной интеграции в деле контроля над преступностью Уголовный кодекс доктринально должен быть выписан не для правоприменителей, а для потерпевших.

Отсюда при формировании концепции уголовного правонарушения и выделения категории проступков, как мы уже писали ранее, необходимы:

— проведение системного анализа правонарушений и деяний, которые могут быть отнесены к уголовным;

— четкое указание на значимость вреда личным и общественным интересам, суверенитету государства для криминализации в национальном праве (общественного договора в супранациональном уголовном праве) и последовательная декриминализация и депенализация всех иных деяний;

— выделение института потерпевшего в системе Общей части, формирование нормы, при которой уголовными проступками признаются деяния, дела по которым возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего;

— создание института уголовно-правовой реституции и уголовно-правовой компенсации в системе Общей части УК Украины.

теперь, когда все позе-
50 лет упорной борьбы
человека и гражданина
перед новой дилеммой:
ерия государство и, со-
нно, уголовное право,
ищиеся в процессах
и ограничения суве-
наднациональными по-
рическими формами.
стает в объяснительных
любого социального за-
почувственная мысль: от
абсолютизации права
тва диктатуры пролетари-
азывать до прославления
ой дерегулированности
енного контроля, замены
реформаториями; от за-
приватизации уголовного
а и сужения вертикальных
х полномочий к абсолю-
значимости институтов
и и восстановительного
дия. Научная мысль в
а политическим заказом
а играть роль фактора,
прукующего развитие права.

Классифи- ционные вопросы

нцип неотвратимости от-
ности («Вор должен си-
порье») компенсируется
бью криминальной дея-
и, формированием двух
головно — правовых норм
тивного (для всех) и цен-
тия себя). При чем второй
головно-правового право-
ния основан на идее по-
и, допустимости крими-
и среди семьи, группы
«близких», визуализиру-
е семейным и корпоратив-
и актам.

ада выхолащивание кри-
о-правовой идеологии,
коррупция, отсутствие
а правоприменения, на-
режима законности и

и разрабатывали. Некоторые лишь
предмет для будущей научной
дискуссии. Итак, мы выделяем:

- на уровне социальной
группы (микроуголовное право
— совокупность норм, первично
определяющих преступность и
наказуемость деяний с точки зре-
ния этнической — ромы, казаки,
либо институциональной струк-
туры, рода — патриархальные се-
мьи, культуры микросоциальной
группы, общности);

- на уровне общества (уго-
ловное право как ценность, право
и неправо);

- на уровне государства
(«классическая» теория о прес-
туплениях и наказаниях, подкреп-
ленная принудительной силой го-
сударства);

- на уровне международных
образований институционального
характера — корпораций, карте-
лей, международных ассоциаций,
организаций вплоть до трансна-
циональных организованных прес-
тупных групп (уголовно-право-
вые аспекты *lex mercatori*, *lex*
sportive, *lex medicinae*, *lex criminali*
и т.п.), служащее инструмен-
том обеспечения эффективности
функционирования института;

- на уровне межгосударствен-
ных образований (наднациональ-
ное уголовное право Европейско-
го союза являющееся, по мнению
специалистов, компенсационным
инструментом для нейтрализации
пробелов в системе националь-
ной защиты прав и свобод чело-
века и гражданина от уголовных
правонарушений);

- на уровне международном
(международное уголовное право
преступлений международного
характера и право международ-
ных преступлений).

В стороне еще остаются вне-
классификационные вопросы
«преступления и наказания» в

практических нерешаем: под-
тверждением как раз является
многочисленность юридичес-
ких инструментов (конвенций,
соглашений, планов действий,
дорожных карт) на межгосу-
дарственном уровне, абсолютно
игнорируемая наднациональны-
ми локальными правовыми (не-
правовыми) системами в сфере
оборота капиталов, медицины,
спорта, организованной прес-
тупности. Это снижает доверие
общества к власти, деформирует
уголовное право на всех уровнях
его существования.

В этой связи все чаще возни-
кает вопрос, а есть ли будущее
у уголовного права, каким быть
уголовному праву будущего?
Возможно, права некоторые уче-
ные, утверждающие, что предла-
гаемое в качестве панацеи над-
национальное уголовное право
порочно по своей природе. Оно
влечет изменения в сложившей-
ся правоприменительной прак-
тике, порождая дополнительные
уголовно-правовые риски, при-
водит к изменениям в институ-
циональной структуре общества.
Его эффективность сводится
исключительно к процессуаль-
ным формам международного
сотрудничества. С трудом мож-
но представить юрисдикцион-
ную единицу признаков состава
международного преступления,
отличающихся по существенным
критериям от знакомых еще от
римлян характеристик элементов
состава преступления в нацио-
нальном праве. Уголовное пра-
во, вопреки распространенным
представлениям, выполняет пра-
воустановительную функцию,
т.е. прямо и косвенно влияет на
состояние целостной правовой
системы страны. Для концепта
транзитных преступлений это
несвойственно.

Будущее уголовное право бу-
дет, по-видимому, как и пре-
жде, формироваться на основе
локальных правовых традиций и
моделей с учетом двух тенденций:
приватизации уголовно-правовых
отношений в сфере регулирования
ответственности за уголов-
ные проступки и преступления
небольшой тяжести и призони-
зации общеуголовной преступ-
ности при постепенном сближе-
нии принудительных мер и меха-
низмов, применяемых в различ-
ных культурах.

Обращение к потерпевшему и
применение иных уголовно-пра-
вовых мер реагирования влечет
разгрузку системы, ее гуманиза-
цию. Ужесточение санкций в от-
ношении общеуголовных прес-
тупников выполняет сдерживаю-
щую функцию.

Концепт социальной опасности личности

Постепенное размывание пу-
бличности, возврат презумиро-
вания примата индивидуального,
частного, частного над госу-
дарственным, публичным, обще-
ственным очевидно. Отчетливо
это прослеживается и в современ-
ных уголовно-правовых работах.
Однако, как правило, все ограни-
чивается указанием на развитие
идей восстановительного право-
судия, медиации и примирения
в уголовном праве и процессе.
Мы сталкиваемся и с формиро-
ванием институтов компенсации
и реституции в уголовном зако-
нодательстве и праве Голландии,
Франции, Финляндии, Молдовы,
Польши, когда компенсация при-
чиненного потерпевшему ущерба
осуществляется в рамках уголов-
но-правовых отношений и за-
меняет собой наказание. Однако
окончательного доктринального
оформления в украинской уго-

ход на «многоколейную систему»
государственно-правового реаги-
рования на преступление;

- ограничение судебной дис-
креции при назначении наказа-
ния за счет формализации правил
назначения наказания при усло-
вии примирения с потерпевшим,
совершения преступления слу-
жебным лицом, совершения прес-
тупления повторно, в соучастии
и т.п.;

- ограничение количества
бланкетных и ссылочных диспо-
зиций в нормах Особенной ча-
сти УК, ограничение количества
специальных норм с переносом
центра тяжести на правила назна-
чения наказания;

- ограничение квалифи-
цированных и особо квалифи-
цированных признаков в составах
преступлений за счет формализа-
ции процесса назначения наказа-
ния.

С другой стороны, актуаль-
ной и значимой является отра-
ботка концепции «привычного»
преступника и уголовно-право-
вых мер реагирования на его ак-
тивность. Концепт социальной
опасности личности, единым
критерием которой является не-
гативная государственная оценка
его криминальной активности
должен быть возрожден и в отече-
ственной литературе и практике.
Опыт США, Германии, Велико-
британии, Сан-Марино и многих
других государств свидетельст-
вует в пользу применения уголов-
но-правовых мер безопасности к
привычным и профессиональным
преступникам.

Таким образом, стабильность
и жесткость общеуголовного за-
прета наряду с гуманизацией и
диверсификацией ответственности
за уголовные проступки опре-
делят во многом будущее разви-
тия системы и отрасли.